
18+
Встречай
Татьяна Муратова
меня
на небесах
Часть 2

Татьяна Муратова

Встречай меня на небесах. Часть 2

https://litres.ru/74757847
ISBN 9785007153720

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Халидаевы опять чудят. Ну, встретили свою любовь, смиритесь, отнеситесь по-человечески. Нет ведь, свои тараканы ближе к телу…

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая. Богдан 5
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Встречай меня на небесах
Часть 2

Татьяна Муратова

© Татьяна Муратова, 2026

ISBN 978-5-0071-5372-0 (т. 2)
ISBN 978-5-0070-4803-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Богдан

***

В полтора месяца дарованной богом жизни она очутилась в доме малютки, а через три года — в детском доме. Первые воспоминания Дарины относились к четырёх-пяти летнему возрасту: её щупленькое тельце трёт жёсткой щёткой Савельевна — самая злая нянька, трёт очень больно, ругаясь матерными словами, кожа краснеет, чешется, лопается до крови, Дарина трясётся и скулит, глотая солёные капли из глаз и мыльные с волос. Другое воспоминание: соседку Лару уводят незнакомые тётя и дядя, она следит за ними в окно — у Лары воздушный шарик и белый бант в рыжих волосиках, и подружка не оглядывается. Ещё: положенную на полдник румяную булочку забирает толстая девчонка из старших, и Дарина глотает слюну — эта булочка приснится ей ни раз и ни два, превратившись в мечту. Чувство, с которым она, кажется, родилась — смесь страха, недоверия, упрямства и голода — с возрастом выкристаллизовалось, оформилось и укрепилось. Свой жизненный девиз: «Если что-то нужно, делай сама — никто не поможет» Дарина приняла, не выйдя из младенческих лет, сперва интуитивно, но после личного конфуза в столовой осознанно. Кормили их неважно, и в тот день вовсе подали прокисшие макароны, а у Дарины от рождения желудок барахлил, не на грудном молоке ведь вскорм-

лена. Не сообразила, не успела добежать до нужной комнаты, обделалась в штанишки. Жуткий страх перед насмешками и ругательствами Савельевны заставили мгновенно среагировать: прибежала в туалет, сама сняла брючки, сама застирала тщательно-претщательно, как-то отмылась — а ведь ей и пяти тогда не исполнилось! — и с голой попой шла до комнаты. Она смогла!

Страх выжимала из себя по крупицам, с болью и кровью, с упрямством безродной шавки, у которой нет своей будки, но есть уверенность: «Я всё равно стану счастливой!» Страх перед побоями изживался проще других, только долго: она терпела, банально терпела, убегать было некуда и дать сдачу Савельевне или девицам на двадцать-тридцать килограмм свыше не могла. Страх голода лечила гордостью и привычкой довольствоваться малым. Были у них и такие кадры, что плевали в тарелку соседу, тогда Дарина убеждала себя, что кусок хлеба и бледный чай — отличный способ самодисциплины.

А потом у них в детдоме объявилось чудо — православный священник. Он ласково разговаривал с каждым ребёнком и крестил всех несопротивляющихся. Он не исчез, выполнив миссию, раз в месяц до самого Дариниого выпуска детей водили в церковь. Дарина обрела единственного, кому не всё равно и кто реально помог. Оказалось, на бога можно переложить свои страхи, которые, как бы Дарина не кре-

пилась, съедали все силы, топили физически и морально. “ Господи, я боюсь, что Савельевна выдерет волосы, это больно, я непременно разревусь…» — и злая нянька, хмыкнув, шествовала мимо. «Господи, помоги, боюсь замёрзнуть» — их ежедневно не взирая на погоду выводили на улицу гулять на два часа, а тощая синтепоновая курточка не грела, и Дарина тупо синела, тряслась, захлёбываясь соплями — вдруг решали сегодня оставить детей в помещении. Алюминиевый крестик на шее стал символом, если честно, если не спасения, то избавления от умопомрачительных страхов. Других сокровищ у Дарины не завелось.

В подростковом возрасте добавился новый страх: девочки опасались своей будущей участи. По закону им полагалось жильё и трудоустройство: комната в коммуналке, место на швейной фабрике за мизерную зарплату. Однако, по слухам, ситуация выглядела иначе. Если по заключению медкомиссии, выпускница оказывалась девственницей или просто красавицей, перед ней открывалась радужная перспектива: денежная компенсация за отказ от своих прав и контракт на работу в дружественной стране. Безусловно, добровольно — при этих словах девочки делали огроменно выпученные глаза. Свободный выпуск получали лишь потерявшие целомудрие за годы проживания в детдоме. Понятно, что почти все старшеклассницы стремились избавиться от «счастливого билета» в «безоблачное будущее» — среди созревших к такому решению девушек образовалась очередь

(с разборками на кулаках) на подрастающих мальчишек, а их было гораздо меньше, чем девушек. Дарину такие варианты не устраивали, она ухватилась за мечту: выйти из стен заведения с работой и жильём, и со своей невинностью. Начала просить бога помочь. Батюшка подарил брошюру (вообще-то всем старшеклассницам) о подвигах святых дев- христианок, и Дарина впечатлилась до слёз умиления, загорелась уподобиться решимостью до смерти: либо так, либо никак. Уповала на персональный козырь. Все годы выживания в детдоме козырь считался недостатком и не позволял потенциальным приёмным родителям взглянуть на Дарину благосклонно. Она плохо росла, выглядела бледным, тщедушным созданием с распухшим от аллергии носом, красными щелочками глаз и сухой кожей с язвами. К восемнадцати годам аллергия почти ушла, но рост не достиг и метра пятидесяти, вес колебался на грани истощения, на месте желаемых грудей и припухлостей не наблюдалось, ногами могли считаться две тонкие палочки, а ягодицы напоминали небольшие камушки. В общем, та ещё красавица. Последний год Дарина даже нарочно плохо ела, чтобы жальче выглядеть.

Комиссия, дающая добро на выпуск, состояла из трёх человек: директора Алисы Даниловны, общественного наблюдателя Дениса Сулимовича и непонятного дядьки Толика. Они по очереди перелистнули Даринины документы, по очереди похмыкали, разглядывая щуплую фигуру, и, наконец, не внушающий доверия Толик устал изображать утруждён-

ную заботой персону, лаконично заявив, что лично ей, Дарине Петушковой (нечего смеяться, дали такую фамилию в Доме малютки), крупно повезло отправиться в Турцию работать, надо лишь…

— Нет, — перебила мозгоправа покрасневшая от смелости Дарина, — я останусь в городе.

— Девочка моя, — запела Алиса Даниловна, — подумай, что ждёт тебя после выпуска? Комната в перенаселённой коммунальной квартире плюс работа на фабрике за пятнадцать тысяч рублей. Разве это жизнь для молодой девушки? Ни красиво одеться, ни сытно покушать. Про театр и кино можно забыть, на учёбу не заработать. Мы ж добра тебе желаем!

— Я останусь, — «мелочь» заупрямилась, зажмурив глаза, сжав кулаки и представив в уме мученический подвиг в борьбе за своё целомудрие.

Денис Сулимович кашлянул:

— Может, стоит прислушаться к девушке? — похоже, её непоколебимость произвела впечатление. — Нам показательный пример не помешает. Оформим официально с отчётностью, запустим проверяющих: выпускницы детдома обеспечиваются жильём и работой — всё честно, не подкапаешься. Как считаешь, Толик?

Толик прищурился, ещё раз окинул оценивающим взором сжавшуюся в пружину фигуру. Ох, не привыкла Дарина ни к персональному вниманию, ни к выгодной подачи своей ин-

дивидуальности.

— Ну-у, конечно, ловить тут нечего, ни рожи, ни кожи, хотя для любого контента найдутся потребители, но раз нужны показатели, то пусть она, так и быть.

Судьба Петушковой решилась. Соседки по комнате удивились (они мечтали о заграница и большой любви), требовали подробностей, но Дарина только глупо улыбалась: «Сказали, что ни рожи, ни кожи» Захватила эйфория от сбывшейся мечты и перспективы свободного плавания. Ей выдали документы и предупредили, что первый год за ней будет установлен надзор инспектора по делам адаптации проблемной молодёжи в условиях городской среды.

Инспектор выполнила свои обязанности с дотошностью робота: отвезла Дарину на новое место жительства, при этом даже бровью не дёрнула при виде пустых девяти метров в пятикомнатной квартире, а на следующий день проводила на швейную фабрику, оформив помощницей швеи. Расставаясь, строго предупредила, что если она, Петушкова, за год вздумает сменить место жительства. то должна явиться в Отдел адаптации проблемной молодёжи и письменно аргументированно зафиксировать причину. Наконец, Дарина осталась одна. С соседями вчера познакомилась: в квартире жили сплошь выпускники детдомов, в основном парни. В одной комнате жил отслуживший армию Лёша — двадцатидвухлетний разгильдяй, футбольный фанат и слесарь третьего разряда. В другой — Саша, тоже из детдома, тридцати-

летний мужик, вор и пьяница. Ещё две комнаты занимала семья: получив в своё время по комнате рядом, объединились, в свои двадцать четыре постоянно нигде не работали, детей не завели, не пили, но ругались громко, смачно, били посуду (если находили), вышвыривали вещи с балкона. Одним словом, как существовали, непонятно, помочь с мебелью не могли, лишь сердобольный Лёшка притащил разваливающийся кухонный стол с гаража, да соседка выделила кастрюльку с отбитыми дном и краями. У Дарины имелись скромные денежные сбережения: выдаваемые на личные нужды детдомовские грошики она скрупулёзно сберегла, не поддавшись на посул баснословных заработков девственностью, однако тратить их не спешила — до первой зарплаты настроилась затянуть пояс потуже. Приобрела самые необходимые вещи: стакан, ложку, крупу, растительное масло (не удержалась, цапнула нерафинированное подсолнечное, хотя оно на сто рублей дороже; но запах маслянистых семечек — как-то их по ошибке, перепутав кастрюлю воспитанников с кастрюлей для персонала, накормили заправленной таким маслом кашей — сводил желудок с ума) — авось, месяц протянет. На следующий день отправилась на поиски подработки в вечернее время, зайдя сперва в ближайший храм. Там расплакалась: сердце преисполнилось благодарности богу за то, что уберёг от растления и выпустил в самостоятельное плавание. Уж она не подведёт! В киоске купила газету с вакансиями и пошла домой. У неё появился дом! Вот

телефоном Дарина покуда не обзавелась, поэтому постучалась к Лёшке и предложила выкупить час обзвона с его аппарата. Сосед от денег отказался, но намекнул на свой грязный пол, который ему мыть лень. Что ж, ей, на самом деле, не сложно, уж что-что, а полы она в детдоме навострилась мыть, в своей комнате и даже в местах общего пользования, потому что любила чистоту, а их пьющая уборщица свои обязанности зачастую игнорировала.

Дарина просматривала предложения о работе уборщицей с семнадцати до двадцати двух вечера и почти сразу наткнулась на показавшееся удачным предложение работы в крупной фирме: недалеко и график подходящий. Не медля позвонила и получила приглашение подойти. Отложив мытьё Лёшкиного пола на потом, схватила документы и помчалась по адресу. Не прошло и двух часов, как Дарина Петушкова официально оформилась в штат крупной компании на должность уборщицы помещений. Ура, можно жить! Да здравствует свободное дыхание!

***

Прошли лето, осень, зима и почти весна. Дарина впервые попала на ночную пасхальную службу. «Христос воскресе! Спасибо, Господи. Воистину воскресе! Боже, как хорошо. Смертию смерть поправ — какое счастье!» — умиление, благоговение, благодарение внутри замесом. Это не она вовсе, какая-то другая чистая сердцем душа радовалась — или

та часть её души, которую Дарина в себе чувствовала, но никак не могла поймать. Вчера она покрасила в луковой шелухе десять яиц, и вот почти все раздарила: соседям четыре, на фабрике два, в храме три — детям и бабушке, оставшееся одно взяла с собой в понедельник в «Стройгород» — съест, когда проголодается. За те десять месяцев, что прошли с момента выпуска из детдома, кое-что изменилось. В хозяйстве появились: обшарпанный шкаф, новый табурет, занавески из обрезок с фабрики, матрац на полу, сушилка для белья и кое-какая посуда — что-то подарили на работе, что-то купила, например, полку для книг, а уж сосед повесил её на стену. Невероятно повезло с питанием. В столовой на фабрике цены кусались, но рисовая каша и гороховый суп оказались по карману. В офисе корпорации, где Дарина драила полы, буфет закрывался в шесть вечера, по карточке сотрудника (а ей выдали такую!) покушать можно было с пятидесятипроцентной скидкой. Конечно, имелись нюансы. Например, успеть подскочить до закрытия и застать хоть какие-то остатки еды. Можно подумать, сотрудников дома не кормят! М-да, к остаткам еды почти всегда относились гороховый суп и рисовая каша. Дарина не привередливая, наголодавшаяся (детдомовские и Стройгородские суп и каша — блюда из разных Вселенных), поэтому поглощала с аппетитом всё, что доставалось. Живот болеть перестал (она так и думала. что нервы виноваты), рост с метра пятидесяти увеличился до метра шестидесяти двух, формы округли-

лись. Посещая душ (эх, какое однако благо жить в квартире, где основной процент соседей мужчины, редко посещающие ванную комнату!), Дарина с удивлением обнаружила у себя наливающиеся бугорки-груди, требующие приобрести вместо топика полноценный бюстгальтер, а также на месте блёкло-жухлых серых волос каштановые пышные кудри. Довольно большое треснутое зеркало висело у них в ванной, у Дарины в комнате зеркала не было — то, которое она присмотрела в «Афоне», стоило уж очень дорого, а другого не хотелось. Так вот, любуясь в это зеркало (не на себя, а… просто так) Петушкова обнаружила на щёчках ямочки и даже потрогала их пальцем — ямочки не исчезли. Ей даже страшный сон приснился. Стоит она перед комиссией тощая, как прежде, а Толик пассы руками развёл, словно маг, и у Дарины волосы выросли, зазолотились, грудь вперёд скакнула, попка налилась, ямочки на розовых щеках о себе заорали. Ох, страхи, никак детдом отпускать душу Петушковой не желал.

Впрочем, изменения во внешности не принесли Дарине финансовое облегчение: прежний скудный выбор в одежде и вовсе сошёл на нет, всё стало мало и коротко. Слава богу, спецодежду выдали и там, и там.

В понедельник на Светлой седмице Дарина опоздала в буфет. На фабрике отмечали день рождения главбуха, пили чай с тортом, подносили милые безделушки: цветы, журналы, импортные нитки, пряжу (женщина вела показательно трезвый образ жизни и увлекалась вязанием), вот Петушкова

и задержалась, только к семи вечера прибежала в Стройгород. Ничего страшного, пошевелится, за два с половиной часа управится. Стройгород занимал два этажа, шестнадцатый и семнадцатый, в самом высоком здании Северного — зеркальном, стеклянном, полном закутков, лестниц и кабинетов с большими окнами. За Дариной был прикреплён шестнадцатый этаж со всеми коридорами и кабинетами. Шустро переодевшись и подхватив инвентарь, бросилась орудовать шваброй. Настроение позволяло улыбаться и даже тихонько мурлыкать любимый мотив — ничего оригинального, включали главбуху «Миллион алых роз», вот и привязался. Сотрудники разбежались по домам, там их ждали дети, супруги, ужин в кругу семьи, тёплые объятия и тихое счастье. Пусть, пусть так и будет! В пустом коридоре гулко стучало ведро с водой, хлюпала швабра, Даринино «ла-ла-ла» впитывалось в стены и отскакивало от потолка. В конце коридора появился хмурый охранник, зыркнул недовольно и от нечего делать прошёлся туда-сюда. Около девяти вечера, домыв последний кабинет, Дарина облегчённо вздохнула и потащила ведро со шваброй в кладовку, но немного не дошла. У аппарата с кофе (на каждый этаж такой поставили) переминался с ноги на ногу парень. Да ну, какой там парень — так, парнишка. Смущённо шарил в карманах, неразборчиво бурча под нос. Откуда только взялся? Смешной, совсем без понтов: белобрысый, волосы растрёпанные — Дарина даже рефлекторно дёрнулась за расчёской в карман, джинсо-

вая рубашка на две пуговицы растёгнута, рукава закатаны, будто полы мыть собрался, джинсы потёртые, кроссовки с развязанными шнурками — не иначе пять минут назад спал прямо за столом.

— Я могу чем-то помочь? — Дарина сама себе улыбнулась: ага, причесать, шнурки завязать, пуговку застегнуть.

Однако мальчик обрадовался:

— Да! Этот противный аппарат принимает только мелочь, а у меня карточка и пятитысячная. Я хочу кофе! Работать всю ночь, зерновой закончился, вообще всякий закончился, — и он состроил жалобную физиономию.

Дарина улыбнулась. Айтишник, наверно. Вот ведь гады, оставили мальчишку ночью работать, а сами, наверняка, по домам разбежались. Она пошарила в кармане, извлекла сторублёвку и пасхальное яйцо, протянула бедолаге то и другое:

— Христос воскресе!

Паренёк, словно цыплёнок, вытянул шею и закашлялся:

— Воистину воскресе…

Потом прижал к себе яйцо, а купюру опустил в автомат, получил сдачу и стакан с дымящимся напитком.

— Возьми, — протянул ей копейки, но Дарина, продолжая улыбаться, замотала головой.

— Оставь, если всю ночь будешь работать, тут хватит ещё на одно кофе.

— Спасибо, а… как тебя зовут? — он жадно хлебнул из стаканчика.

— Дарина.

— Полы моешь?

— Мою.

— Давно? Ну, в смысле не сегодня, а вообще, сколько дней? Я тебя раньше не видел.

— С июня прошлого года, — она хихикнула: до чего ж забавный, не видел он её, кто ж видит уборщиц! — Я по вечерам мою, здесь обычно никого нет.

Он кивнул понимающе:

— Меня Богданом зовут.

— Богданом? Прямо как нашего гендиректора, — пошутила.

Он как-то странно посмотрел и неожиданно покраснел:

— Ну, я пойду…

— Спокойной трудовой ночи, Богдан.

— До свидания, Дарина.

***

Халидаев, вернувшись в кабинет, позвонил Егору и запросил срочно дела всех уборщиц корпорации. Тот не удивился позднему заданию, знал, что у племянника мозги варят вне всякого режима, и через полчаса всё переслал, Богдан едва успел кофе допить, умыться и зачем-то причесаться. Так-с, вот и Дарина… Петушкова, кул башина* (*пепел на голову), девятнадцать лет. Действительно, с июня работала, а он её только заметил. Ох, ты ж, ё-моё, детдомовка! Всё,

можно дальше не читать, закрыть, забыть, не рыпаться. Но он дочитал, потому что дотошный: основная работа — швея на фабрике, образование общее среднее, проживает в коммуналке. То есть год назад сразу из детдома — на работу. Молодец, наверно, но что ей ещё оставалось делать? Богдан вздохнул, закрыв дело, вертанулся на кресле спиной к компьютеру. Слюни подбери! Она не поняла, кто перед ней, вот и среагировала… непосредственно: яйцо пасхальное, ямочки на щёчках. Внутри ворочалось, дрынькало минором. Дурак ты, Богдан, тебе пора жениться, только и всего: институт закончил, в должность официально вступил, физиология, опять же, рыпается, зараза. Но не на детдомовской же уборщице жениться! Ему важно на официальных мероприятиях выглядеть презентабельно, с достойной женой рядом, чтобы за ней род и поддержка, гены не гнилые. Начнут же копать, неизвестно, что накопают — известное дело, из детдомов все уродами выходят, с поехавшей психикой, без понятия о нормальной семье, без ответственности и без благочестия, о невинности вообще лучше и не мечтать. Он-то в свои двадцать четыре до сих пор девственник, и жену бы такую хотел, чтобы первый раз вместе…

Так вразумлял себя всю рабочую ночь, и на следующий день, и через день. Извёлся: ямочки на щёчках снились, манили, еда не лезла в горло, сто рублей долга жгли совесть. Да, именно в них всё дело! Богдан Халидаев всегда возвращал долги, поэтому и переживал — смешно сказать, не спал!

Деньги следовало вернуть и убедиться, что как только Петушок поймёт, кто гендиректор Стройгорода, то… что?

Он пустился на хитрость, устроил в кабинете злонамеренный погром. Типа, от сквозняка цветочные горшки попадали, разбились (жаль их, конечно), кофе пролилось (кружек шесть, не меньше), бумаги разлетелись (детский опыт безобразничать из вредности помог) Это уже в конце рабочего дня провернул, когда по монитору заметил, что Дарина вошла в офис, и через охрану вызвал к себе.

Петушок появилась с ведром, шваброй, тряпками, в балахонистой спецовке. Богдан, вальяжно рассевшись на диване, холодно процедил:

— Надо убрать.

Если не дура, считает ситуацию, воспользуется шансом — они одни, у мужчины явный интерес. Чего Бодя ожидал, чего хотел? Чтобы Петушок сконфузилась или, наоборот, соблазнительно демонстрируя убойные ямочки, улыбнулась? Должна жеть сообразить, кому помогла, и что вправе получить благодарность? Он отблагодарит: ну, денег там даст — ей ведь нужны — или квартиру найдёт, не скупердяй, чай, сам в айтишниках два года болтался. Что угодно, но невозможно уже не спать по ночам, скукожившись от стремления прикоснуться и поцеловать губы цвета счастливой жизни. Но Дарина смотрела на него исподлобья, как на предмет мебели, который необходимо протереть тряпкой, сжатые плотно губы выдавали напряжение. Никаких ямочек!

Отмерла и молча приступила к уборке, а Богдан сверлил её глазами. Никогда ещё его так не корёжило. Подойти, отбросить ненужную швабру, притянуть к себе, и целовать, целовать, чтобы погасить, наконец, жадный жар внутри. Она улыбнётся ему и скажет… Бодя дёрнулся: фух, ему, определённо, пора жениться. В этой малявке всё примитивно, никакой будоражущей нервы фантазии: нет, чтобы попку эффектно оттопырить, или на карачки опуститься… Спецовка — убийство для эстета. Волосы обыкновенные, в хвостик собранные, но цвет правильный, умиротворяющий. Богом, а не краской от стилиста, целованный. Носик аккуратненький, никакой скульптор не вылепит, тянет своим шнобелем потереться. Да, у него шнобель, родовой, между прочим; никогда не стеснялся, а тут вдруг… Ещё бы в глаза заглянуть, в прошлую встречу они лучились весельем, доброжелательностью.

Дарина закончила уборку, не поднимая глаз и ни разу не улыбнувшись начальнику, а ведь он, между прочим, сегодня в костюме от «Армани» и туфлях-оксфордах.

— Всё убрала. Можно уходить?

Бодя кивнул на стол, где на блюдце лежали сто рублей, и еле выдавил:

— Возьми долг. Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, — взяла купюру, подхватила инвентарь и торопливо выскочила за дверь.

Гордая. Ну, и плевать. Ему с ней детей не крестить: долг отдал, спасибо сказал, пусть работает дальше.

Однако на следующий день вызвал Егора:

— Еша, дело есть. Тонкое. Обращаюсь к тебе, уж ты-то подоплёку скрыть сумеешь… Гм, в общем, мне необходимо жениться. Сам понимаешь, положение обязывает, и бабушка Тоня ворчит, что слишком долго бобылём мельтешу перед их глазами. Помоги. Где и как невест находят?

Егор, его дядя, женатый красавец мужчина, начбез корпорации, должен знать! Он умный, опытный, и вообще…

— Сердце до сих пор не дрогнуло? — сверлит взглядом, будто опытный образец на предметном стекле под микроскопом.

— В том-то и дело, что дрогнуло, дрожит, зараза, но вариант неподходящий, боюсь глупостей нагородить, — Бодя таким жалким не был никогда.

— Если хочешь, чтоб помог, выкладывай всё.

— Уборщицей у нас работает. Дарина Петушкова. Петушок, одним словом, — Бодя шмыгнул носом. — Ничего особенного, вообще ничего, ни рожи, ни кожи, ещё и детдомовка, год как оттуда. Нет, глаза очень даже… и волосы… ямочки, но детдом!

Глянул на дядю, ожидая увидеть на его лице брезгливую усмешку или хотя бы понимание в глазах, но Егор молчал.

— Там ведь все порченные, секонд хенд, и гены гнилые, и понятия о семье отсутствуют. — Богдан раздухарился, по-

высив голос. — Мне жена-вторсырьё не нужна!

— Ты сам сирота, не гневи Бога. — ну, почему, почему он спокоен, не сечёт, что ли?

— Я — другое дело, с бабой и дедом как с родителями рос, с Ромкой и с вами, — уже тише пояснил.

— Настрой понятен, — Еша скрипнул зубами. — Надеешься, женившись, забыть Петушка?

— Да! Только послушай, она должна быть: во-первых, девственница, я ж сам, ну, ты знаешь … — Бодя покраснел. — Гм, во вторых, красавица, мне ж на приёмах светиться, чтоб не стыдно, да и лучше, если обалдею от красоты поначалу. Потом-то, конечно… но чтоб сперва мозги — в кашу, а там поздно… В-третьих, образованная, институт там, или, лучше, университет, и, в-четвёртых, из полноценной семьи, мама-папа, бабушки-дедушки желательно.

— Сколько времени дашь?

— Лучше б побыстрее.

— Побыстрее и в бордель смотаться можно.

— Еш-ша… Пару недель даю.

— За Петушковой следить не нужно? — остро взглянул.

Бодя поморщился: сейчас, когда перспектива обретения умной, красивой, благополучной невесты приблизилась, ему полегчало:

— Не нужно, оставим её, пусть и дальше кичится непонятно чем. — в сердце тот час завыло, заскулило, а оттуда мерзостно потянуло по телу властью своего превосходства.

***

Следующие две недели Бодя, как истинный трудоголик, жил корпорацией и её проблемами. И вот, наконец, застал Егора в приёмной за болтовней с Ларисой.

— Вы чего тут обсуждаете?

Лариса смутилась, а Еша покачал головой:

— Поинтересовался, как здоровье супруга у твоего секретаря.

— А что с ним? — нахмурился.

— Эх, Богдан Иванович, — упрекнул Егор, — у сотрудницы муж попал в аварию, а вы только с цифрами в контакте.

— Это правда, Ларис?

Она кивнула:

— Да, но он поправляется.

— Прости, Лариса, я невнимательный начальник.

— Невнимательный, — подхватил Егор, уже войдя в кабинет следом за братом, — а ещё деспот. Коллектив гудит, что у шефа приступ трудовой активности, по ночам накладные перепроверяет, инвесторам спать не даёт, предложениями заваливает, менеджерам уши намылил, с китайцами умудрился отношения из-за сантехники испортить.

— Ерунда, — Бодя потупился, — врут, почти, с китайцами мы пришли к консенсусу. Ну, а у тебя есть новости?

— Прекращай работать по ночам, — Егор словно не услышал, — глаза красные, бледный, если б не знал тебя как об-

лупленного, подумал бы, что бухаешь день и ночь.

— Еша-а, — тоскливо.

— Садись, покажу, что принёс, — выложил на стол папку. — Оказывается, наш город кишит красивыми девушками с приличной биографией, целомудрием и впечатляющими внешними данными. Двадцать претенденток на ваши руку и сердце, шеф, от восемнадцати до двадцати пяти. Кушайте, не подавитесь.

Бодя проглотил начбезовскую шутку, взял в руки фотографии, стал перебирать.

— В электронном виде ничего нет, вся информация только здесь, — уже серьёзно пояснил Егор.

— Ничего не понимаю, — Бодя растерялся, — трудно… Посмотреть бы вживую.

— Собеседование?

— На какую должность? Штат укомплектован, а их аж двадцать.

— Рекламный проспект. Мелькнут две-три симпатичные мордашки в качестве лица фирмы. Затратная авантюра, но коли жмёт…

— Жмёт … — Бодя полыхнул румянцем.

— То то ты вывел видеокамеры с шестнадцатого в свой кабинет, — Еша беззлобно хмыкнул.

Щёки запекло как в душный день, но Бодя упрямо сжал губы. Да, он на самом деле вечерами маньячил, следя за работой Петушка, но вовсе не потому … — нет, именно пото-

му ему необходимо срочно жениться.

— Пусть проектом займётся кто-нибудь из отдела рекламы, — дядя кивнул уже серьёзно на фотографии, — мне срёмно и подозрительно. Шеф?

Богдан нехотя кивнул головой, Еша и так серьёзно помог, и он не из тех, кто треплется.

Через неделю начались собеседования. Молодые и красивые сотрудницы ворчали, что если выбирать «лицо фирмы», то из них, а не стороны, поэтому Георгий из отдела рекламы уговорил включить в конкурс четырёх незамужних сотрудниц. Претенденток смотрели Богдан, Егор и Георгий. Девушки по одной заходили, кратко рассказывали о себе, отвечали на вопросы — всё, как обычно при приёме на работу, с единственным отличием — выбирали невесту шефу. Если бы требовалось выявить деловые качества — тьфу, проще простого, но тут Бодя потел, тёр глаза, ёрзал на многострадальном седалище, каждые пять минут бегал к кулеру, хотя вода стояла и на столе, и потихоньку рисовал на бумажке на память предел и непрерывность функции.

Наконец, мучения закончились, двадцать четыре чаровницы испарились до поры до времени, мужчины остались одни. Бодя, подвывая, соскочил и эмоционально воздел руки к потолку:

— Ничего не понимаю! В глазах рябит. Они все хорошие, все красивые и почти умные. Что делать?

— Прям никого не выделил? — усмехнулся Егор.

— Никого, — замотал головой Бодя. — Ну, разве что вот ту, в цыганском костюме, с такими алыми-алыми губами… не надо.

— Знойная девушка, — кивнул головой Георгий. — Не понравилась?

— Я её боюсь, — Бодю передёрнуло.

— Гм, а мне кажется, она бы на фоне особняка в викторианском стиле неплохо бы смотрелась, у меня даже есть подборка подходящих артов, — протянул задумчиво рекламщик.

— Не надо, так не надо, — обрубил Егор. — Будем выбирать из двадцати трёх.

— Есть предложение, — подпрыгнул фонтанирующий идеями Георгий. — Надо посмотреть на них в неофициальной обстановке, чтобы живые лица, характеры, поступки. Но кое-кого лучше отсеять сейчас, чтобы осталось десять-двенадцать девушек, которые, так сказать, прошли первый тур. Богдан Иванович, выбирайте. Через десять дней, помните, у нас намечено благотворительное мероприятие в приюте для кошек, вот тогда…

План неплох, даже Еша подтвердил. С одним «но»: обалдев от флюидов армии обворожительниц, Бодя сбросил обязанность отбора на товарищей по афёре, спешил документы к тендеру перепроверить.

***

Самоустранился племянничек… Егор понимал, что разворачивающееся действо теперь не свернуть, уж чего-чего, а ослиного упрямства в младшем Халидаеве плескалось с избытком. Нет, по работе он всегда прислушивался и при необходимости менял решение, но в личных делах характер подванивал. Решил жениться — женится хоть на столбе, лишь бы выбросить из сердца отчаянное незапланированное чувство. Чревато катастрофой. Остаётся надеяться, что к Петушку у шефа пустое влечение.

Егор хладнокровно отобрал десять девушек, оставив за бортом отретушированные черты лица, сладкие сопливые взгляды и сомнительных родственников — эти красотки не для Боди. Результатом остался доволен: три блондинки (одна абсолютная, две просто светловолосые), две брюнетки, шатенка, у остальных цвет волос близок к Петушковому (конечно, он познакомился); шесть студенток, четыре девушки с высшим образованием; две ростом по метр семьдесят пять (как Бодя), две малявочки, остальные посерединке; есть пышечки, есть стройняшки; семьи полные, благополучные (на первый взгляд, глубже пока не копал). Конкурс красоты и интеллекта, не иначе — всё для тебя, родной племянник, наследник Халидаевых и их гордость, кушай, не обляпайся. Да, Егор заметил, что у Петушка ямочки на щёчках, поэтому у одной из претенденток на драгоценные руку и сердце тоже были такие: может, Бодя на них запал?

Георгий подготовил красивые пригласительные на благо-

творительный вечер, а наследник, смущаясь и перекрашиваясь в тон парчового кумача молодости деда, попросил и Петушка пригласить, типа просто так. Чтобы не возникло вопросов, ангажировали трёх любительниц кошек из корпорации. И нет, Егор на смеялся, делал вид, что всё в порядке. Скорей всего, потому, что отлично помнил влюблённым себя. Вильнув думами к Марго, мгновенно ощутил жаркое желание: вот так всегда — с первой встречи, с первого взгляда…

***

Дарина постаралась отнестись к своему приключению с одалживанием ста рублей гендиректору философски: в жизни и не такое случалось. Помнится, ей в восьмом классе понравился новенький мальчик — щупленький такой, вроде родственная душа — а он потом… с другим мальчиком. Проплакала тогда ночь и дальше жить стала. Из-за Богдана Ивановича и плакать не стоит: тоже мне, король — получил корпорацию в наследство, у самого молоко на губах не обсохло, пуп земли…

Красивую открытку с милыми котятами Дарине передала её прямая начальница — завхоз Полина.

— Почему именно мне?

Полина пожала плечами:

— Ещё Насте из бухгалтерии и Вике из менеджеров, а из уборщиц почему-то тебя выбрали, наверно, самую жалост-

ливую. Приют ведь для кошек, а я, например, их терпеть не могу. Отказ не принимается, участие в мероприятии влияет на рейтинг коллектива.

И что им потом с этим рейтингом делать? Пойти можно, но что надеть? Нечего, на самом деле абсолютно нечего, ни одного платья, ни одной юбки. А это значит — допрасходы. Дарина вздохнула: присмотрела ведь в мебельном в подвале соседнего дома диванчик небольшой, да и босоножки на лето нужны. К тому же терзали смутные сомнения о причастности гендиректора к приглашению. Не шаг ведь извинения? Заставит за котами убирать? Так и представила себе: «А теперь конкурс! Кто быстрее и чище приберёт к клетке у кота? Победителю — упаковка Кити Кэт!» То, что её нечего надеть, начальству, безусловно, и в голову не придёт.

Дома тщательно пересчитала наличность, отложила на квартплату, за телефон (у неё уже три месяца кнопочный Nokia), на скромнейшее питание, и в субботу, душа выросшую до неимоверных размеров жабу, поплелась в торговый центр. Никогда до сих пор не задавалась вопросом, есть ли у неё вкус, чувство стиля, но неожиданно подумала, есть. За одинаковую цену, оказалось, можно было купить «ничё так себе» и «фи» вещи. Платье и туфли обошлись в месячную зарплату, а колготки и сумочка — уже сверху. А ведь каким-то образом предстоит ещё добираться до приюта — судя по адресу, находился он на окраине города, туда автобусы ходили раз в час, и то в стороне. Придётся на такси доби-

раться, а округлившуюся попку на гороховую диету сажать.

***

Богдан до последнего переживал, что Дарина не отзовётся на приглашение. Догадается о его инициативе и гордо взбрыкнёт, поэтому явку на мероприятие определил как обязательную. Увидев Петушкову на входе, облегчённо выдохнул и смахнул ладонью пот под носом. Узнал моментально, хотя она не сияла ямочками и не пряталась за спецовкой, почувствовал издалека: пришла. Заныло, засвербило, вытекло из тела, полетело к ней, заклубилось вокруг, пульсануло: «моя, моя…» Ощупало с жадностью: платье скромное (наверно, скромное, не сияло, режа глаз, не переливалось, не перетягивало на себя внимания), но по фигуре… у-у-умопомрачительной, аккуратненькой, везде всего в меру. Провёл взглядом, как рукой, по спине, бёдрам, ниже… Скрипнул зубами, сорвался вверх — только хуже: нет мозгов, вся вселенная жаждой залита. Дёрнулся, кажется, взвыл как от ожёга: дурак-дурак-дурак, у него тут десять умных, красивых, перспективных невест, а внутри заходило от детдомовщины. Начбез рядом нахмурился озабоченно, заметив, видно, что Бодя не в порядке. Поздно, сам не понял, как рысцой скакнул к Петушку.

— Здравствуй, Дарина, — икнул и почти закашлялся, настолько пересохло в горле.

А она улыбнулась, и ямочки заиграли на щёчках, беспово-

ротно лишая Бодю логического и систематического измышления:

— У кошек убирать надо?

— Что? — не понял.

— Меня сюда пригласили, потому что у животных убирать некому?

— Вовсе не поэтому, — обиделся, но припомнив, чем пришлось заниматься девушке в его кабинете, попытался замять неприятную тему. — У нас благотворительный аукцион, пригласили много неравнодушных людей с возможностями. Каждый из них готов помочь бездомным животным. Приглашены девушки для участия в рекламе. Вон там, пойдём, покажу, вольеры с котами, которых надо раздать. Девушек четырнадцать вместе с тобой, и котов четырнадцать. Каждая выберет подопечного и со сцены разрекламирует его. Вам выдадут описание, типа родословной, чтобы пошёл торг. Котика заберёт тот, кто предложит больше денег. Деньги пойдут в фонд приюта, а три девушки, продавшие своих подопечных наиболее выгодно, снимутся для рекламного буклета и в видеоролике.

— А если никто не возьмёт?

— Думаю, возьмут, все именно для того и собрались. В крайнем случае, девушка должна будет выкупить кота сама, хоть за сто рублей. Осмотрись пока, выбери кошару, а мне надо подойти к одному человеку, но я найду тебя, Дарина.

***

Что ж, условия игры понятны. Понятно и присутствие расфуфыренных барышень. Среди них мелькнула пара лиц попроще, наверно, те самые сотрудницы Настя и Вика. Дарина прошлась между вольерчиками — всех симпатичных котят уже разобрали. Конкурентки не дремали, пока она, пытаясь сэкономить, сперва плелась на автобусе, а уж потом пересела на такси. Хм, а вот это чудо-юдо явно дожидалось Петушкову — облезлое и жалкое, как она сама в детдомовские годы. Ага, а сейчас Дарина — Золушка на балу, и принц — Халидаев. Зачем он её сюда притащил, ведь явно без него не обошлось? Чувствует её пятая точка заподлянку. Хочет унизить? Таким мажорам почему-то важно унижать других: легче дышится им от этого, что ли? А не получится, уважаемый генеральный директор, Дарина Петушкова — неунижаемая, даже детдом с этим не справился. Бог — её защита. Надёжно. Пуленепробиваемо.

Дарина обратилась к парнишке-волонтёру и получила «родословную» чуда-юда: «Хвостик. Три месяца. Пролечен, привит, родители неизвестны. Безпороден» А ещё тощ и некрасив. Класс. Точно, как она при выпуске. Первое место явно не светит, Дарина попробует бедолагу за сто рублей пристроить. Это даже символично: продать за ту самую сотку, что кофе и её уборка в кабинете гендиректора. Да, Дарина считала, что БИХ заплатил ей за уборку, а не вернул долг, ведь сотню у аппарата она ему подарила вместе с пас-

хальным яйцом на праздник.

***

У Богдана никак не получалось подойти к Петушку, то один, то другой негоциант перехватывал для обсуждения безусловно условно жизненно важных проблем вплоть до начала аукциона. Наконец, ведущий потянул на сцену для приветственного слова. Представительницы прекрасного пола с котиками кучковались за кулисами, и вынужденный занять почётное место в первом ряду Халидаев совсем упустил Дарину из вида.

В первые минуты после приветственного слова на сцену вынесли круглый прозрачный шар, полный разноцветных бумажек — так конкурсанткам предстояло узнать свой порядковый номер для выступления. Ведущий в смешном анимационном костюме объявлял девушек, а те тянули «шанс удачи» Дарине достался двенадцатый номер. Аукцион начался.

Бодя силился если уж не влюбиться с первого взгляда, то хоть проникнуться симпатией к любой из четырнадцати конкурсанток. Он обещал Егору. Обещал независимо от результатов торга выбрать трёх девушек. И он это сделает, потому что Халидаев! Номер первый оказалась с ямочками, и Бодя даже оглянулся на Ешу с подозрением в умысле. Еша сделал морду кирпичом. Ямочки на чужих щёках раздражали, стало обидно и отчего-то передёрнуло, словно виноват в воровстве. Второй номер — девушка с тёмными волосами — бу-

дет смотреться эффектно на проёмах, и улыбалась заученно, такую самосвалом не собьёшь, но Бодя никак не мог представить её в халате на кухне. Вздохнул, опять покосился на Ешу. У, морда кирпичная, небось хихикает про себя. Следующих четырёх котов с хозяйками Бодя не запомнил совершенно, еле отдышался от непосильного труда, но начбез толкнул локтем в бок, пришлось сосредоточиться. Ну, пусть будет эта: блондинка с голубыми пустыми глазами, в вызывающе открытом платье — голые плечи, разрез до трусов (или чего там?) Зато без претензий на душевность и взаимность, дети красивыми родятся, наверно… Дети… какой ужас! Петушок с коляской хорошо будет смотреться. А в коляске карапуз. Мальчик. Или девочка? Девочка тоже хорошо… Еша опять пихнул в бок — вот пристал, репейник! Какой номер? Девятый? Нет, рыжую Бодя не хотел, никак, ни на кухне, ни на приёмах, ни даже на лыжах на горном курорте. Умна, и костюм стильный, но не хотел — перед каждым поцелуем креститься придётся. Вот Петушка в ямочку, или макушку, за ушко, в шею лизнуть… Блин, начбез синяков своим локтём наставил, дядька называется. Десятый номер, похоже, осетинка — пусть она, он ведь тоже по деду кавказец.

Но вот на сцене Дарина. Что за уродца выбрала эта детдомовщина? Бодя почему-то разозлился, словно сам опозорился, и глаза от стыда прикрыл. А Петушок начала читать стихи, какие-то глупые детские стихи об одинокой душе, ждущей друга, которого сердцем обязательно полюбит, ведь

внешность обманчива. Тупые слезощипательные стихи, но читала, словно о себе самой, Бодя почувствовал даже, где у него это сердце находится, но торг шёл вяло, очень уж нелепый по сравнению с другими котяра попался.

***

Егор, прищурившись, следил, как Бодя, непривычно суетливо, дёрганно купил у Петушковой облезлого кота (за две тысячи рублей, между прочим), с облегчением посадил того в переносной домик и спихнул секретарше.

Наконец, всех котов пристроили и объявили банкет. Егор вышел покурить, проверил периметр, связь, охрану и вернулся в зал. Генеральный держался — привыкал помаленьку к обязанностям, вырваться к Дарине у него не получилось, так и увяз в деловых разговорах, но головой вертел. Заметив Егора, вцепился в пиджак: «Отвези, пожалуйста, Петушка домой, я завис с партнёрами»

— Так представь меня, а то девушка испугается.

Вдвоём, извинившись, сбежали от очаровательной банкирши в поисках искомого объекта. Дарина кушала: с аппетитом наяривала канапе и салаты, запивая лимонадом: она явно не страдала без общества генерального. Спешно дожёвывая, уставилась на высшее руководство. Нет, вот ведь молодец — Егор улыбнулся — ноль смущения, на Бодю вовсе зыркает, как на провинившегося. А ведь племянник у них красавчик: смазлив, правда, и худоват, но всё-равно орёл.

— Дарина, — Богдан радостно засопел, — спасибо, что

посетила благотворительный вечер. К сожалению, меня укутали словопрениями, не могу отмахнуться. Но вот мой дядя и начбез Стройгорода Халидаев Егор Зурабович, он отвезёт тебя домой — не отказывайся, сюда транспорт почти не ходит.

Девушка не отказалась, даже улыбнулась и высказала желание, не дожидаясь конца мероприятия, поехать домой. Племянник вздохнул, бросил тоскливо-кошачий взгляд, словно хотел, чтобы его погладили, и поплёлся общаться с банкиршей.

По дороге не разговаривали, но, припарковываясь, Егор сказал:

— Запишите мой номер телефона. Если что, помогу во всём, в чём компетентен.

— Спасибо, надеюсь, не понадобится. Я законопослушный обыватель и в услугах службы безопасности не нуждаюсь, — даже нос задрала.

Эх, мелочь, знала бы ты, как часто законопослушные граждане внезапно нуждаются в его услугах. Гораздо чаще незаконопослушных.

— Не желаете знать, кем были ваши родители и как погибли? — Егор невозмутимо просканировал через лобовое стекло двор.

Петушкова застыла, круглые глаза смотрели ошеломлённо:

— Вы… можете узнать? — наверно, она хотела крикнуть,

но получилось сипло.

— Если в моих силах, то — да. Не переживайте, платить или благодарить не нужно — коли возьмусь, то ради Боди, Богдана. Я, да все Халидаевы, к нему относимся с особенной нежностью, он ведь сирота, сын старшего брата.

— Что?! Богдан Иванович сирота? — Дарина пискнула, что-то у неё сегодня с голосом непорядки, эмоции, они такие.

— Вано погиб во время первой чеченской, в двадцать четыре, ему было столько, сколько Боде сейчас. Мамаша отказную написала и свалила. Бодя рос с нами как брат, они с Ромой ровесники… От вас только согласие нужно на мои действия.

— Я согласна! Хочу знать. Пусть страшно, но хочу. В детдоме говорили, что меня нашли, подарили, Дариной назвали. Неужели… возможно? — действительно ведь хотела, глаза увлажнились.

— А вы помолитесь, молитва чудеса творит. Я займусь поисками, но быстрого результата не обещаю.

***

На территорию особняка родителей зарулили к вечеру. Думал, получится раньше, но Маргоша заартачилась, пришлось ждать, пока на маникюр сходит. Открыв дверцу белой BMW, подал жене руку и в очередной раз залюбовался её изящной фигурой в серебристом платье от итальянского ку-

терье ценой чуть меньше автомобиля. И маникюр в тон. Не удержался, слегка поцеловал в щёку — в губы только ночью, выучил это правило.

На встречу спешила мама Тоня:

— Какие гости дорогие! Проходите, родные. Проходите, купаты уже подоспели, и манты горяченькие.

Как у неё получалось: когда бы гости не пожаловали, обязательно горячее к столу ожидало? Егор облизнулся в предвкушении — Халидаевы любили вкусно поесть, а уж домашние разносолы вдвойне.

Несмотря на то, что в огромном особняке с родителями жили только Богдан и Мариам, Егор с женой после свадьбы решили отделиться. Маргоша настояла, а он поддержал. Когда-то они с Игнатом ушли из семьи, предпочтя криминал, с тех пор Егор считал себя не в праве претендовать на дом своего детства, да и привык к самостоятельности. Всё нормально, но по маминой еде скучал. Навещали не часто, но родители сохранили их комнату и всегда радовались гостям.

Сытно поели и разошлись. Маргошу оставил с женщинами, поднялся к отцу, отужинавшему раннее. Обнялись. От отца пахло коврами, детством и слегка лекарством. Семьдесят лет, выглядел неплохо, так же прям, также светил белоснежной улыбкой — даровал же Господь такие крепкие зубы, у Егора и то хуже, впрочем, ведь курил, а это сказывалось.

— Рассказывай, как дела, — Зураб по обычаю прямоли-

неен.

Егор и рассказал: Богдан замыслил жениться, но запутался в чувствах, с бизнесом терпимо, безопасность трещит, раз в квартал приходится увольнять продажные шкуры, до стрельбы уже два года не доходило, у Ромы и Ашота в Иртауле спокойно, Ашот проблемы решал кардинально, Игната не видел полгода, но по слухам у того по прежнему криминал, деньги, женщины. Егор считывал отца, чувствовал его тяготу: тот ждал внуков. Дед Умар в своё время так же страдал, пока Вано не родился. И Зураб подтвердил его мысли:

— Слава Богу, Богдан есть. А вы? Три сына и ни одного внука… Неужели Господь заберёт мою грешную душу прежде, чем возьму на руки детей сыновей?

— Пап, — Егору больно от боли отца, — мы с Маргошей молодые, родим ещё, куда спешить…

Получилось не убедительно, и Зураб поднял взгляд к потолку:

— Ваш рок — влюбляться в русских, кавказские гадыны* (*женщины) сразу бы по кучке детишек нарожали. Но, видно, на роду написано сыновьям жениться на русских, дочерям выходить замуж за восточных мужчин. Хотел внукам стартовый капитал оставить, но некому. Занита для арабов рожает, Богдану достаточно бизнеса, Асиатовы девочки глупы, хозяйством займутся…

Егор вышел от отца с щемящим чувством неправильности, хотя не мог понять причины. Не обнаружив родных жен-

щин в гостиной, направился к кухне и споткнулся, услышав своё имя.

— Всё ли у вас ладно с Егором? — мама Тоня громыхнула тарелками.

Егор замер.

— У нас всё ладно, — холодный голос жены не дрогнул.

Мама помолчала — наверно, загрустила, пыталась найти общий язык с невесткой, но не скложилось у них, с самого начала не сложилось.

— Если ладно, родила бы мужу ребёнка, — эх, зря она, с Маргошей так нельзя, вспылить может.

— Это — не ваше дело, — зазвенел голос, и чтобы погасить раздор, Егор поспешил вмешаться.

— Вот и я, родные мои, не скучали?

Надо поговорить с племянником. Маргоша переоделась плавать в бассейне, а Егор отправился на поиски Богдана и нашёл того в тренажёрке. Бодя лупасил грушу и выглядел смешно. Ему никак не удавалось нарастить мышечную массу. Загорался быстро: да-да, я буду регулярно тренироваться, но потом садился за комп и пропадал на сутки, а то и больше — тело не прощает подобного пренебрежения, поэтому Бодя оставался худым и бледным. Егор переоделся и присоединился к тренировке. Спарринг ожидаемо смахивал на избиение младенцев, но, во-первых, Егор даже не в полсилы оторвался на племяннике, во-вторых, тому пошло на пользу, ушла тоска из взгляда. После душа поднялись к Боде

в комнату.

— Надо поговорить, — Егор прищурился. — Сейчас хряснем с тобой по соточке и вынем душу.

— Еша, — уныло залепетал малой, — ты же знаешь, я не пью.

Залился румянцем совсем по-мальчишески.

— Знаю, — припечатал Егор, — но иногда надо, есть такое слово. Схожу к Зурабу, выпрошу пузырь.

— Может, не стоит? — поёживаясь, продолжал сопротивляться Бодя. — Как же вы домой поедете?

— Здесь переночуем.

Егор вернулся с бутылкой водки, двумя рюмками и порезанной на блюдце закуской. Поставил на стол, полюбовался:

— Решили, что водка надёжнее коньяка, с коньяка ты и травануться можешь, ну, а закус мама подкинула. Так что родители в курсе, не беспокойся, ругать не станут. Ты что, даже в армии ни-ни?

Бодя, с ужасом взирая на натюрморт, краснел, бледнел и переминался с ноги на ногу.

— Наливали, — пояснил почему-то шёпотом, — а я Лёшке толстому отдавал, с него как с гуся вода, вообще не пьянел… Еша, может, не надо? Не люблю сего дела, у меня ведь ни отец, ни мать не употребляли…

— Чтобы любить или не любить, попробовать надо, с гипноза не опьянеешь. Садись, Бодя, и не трусь, испытание надо пройти, а не прятаться, — Егор разлил по рюмкам первую

порцию. — Мы с тобой немного, чтобы живое нутро из тебя попёрло, чтобы ты сам понял, чего хочешь, а то сиротские комплексы в колесо скрутил и позволил рулить… Ну, дрогнули, за упокой души брата моего Ивана, убиенного на поле брани…

Егор махом опрокинул в себя стопку и помог сделать тоже самое племяннику. Тот выпучил глаза, хватая ртом воздух и забивая жгучую горечь колбасой.

— Теперь рассказывай. — Егор откинулся на спинку дивана.

— Что? — изобразил непонятки Богдан и набил полный рот закуской.

— На кой хер цирк с невестами затеял, если жениться не собираешься?

— Собираюсь… просто не выбрал пока… Понимаешь… они все… одинаковые…

— Разные они, Бодя, разные, но для тебя одинаковые, потому что сердце не лежит… Как тебе, ничё зашло?

— Нормально… вроде.

— Тогда давай ещё, нос уже заалел. Сейчас мы твой клубок размотаем.

Они выпили. Закуски поубавилось.

— Понимаешь, — Бодя икнул, — смотрю на фотографии: красивые девушки, загляденье, но отложу — и никого не помню, ничего, ни какие глаза, ни нос, ни… щёчки… они вообще другие. А Петушок как поселилась перед глазами:

ямочки, на правой чуть выше, чем на левой, родинка… вот здесь, на шее, волосы… пахнут.

Он всхлипнул:

— Налей ещё?

Егор налил, выпили и продолжили.

— Ерунда с тобой творится, — мотнул головой. — Велишь подноготную невест проверять, а сам…

— Что я?

— Какого ляха следишь за уборщицей? Зачем камеры просматриваешь? На фабрику мотался?

— Ф-фабрика? — речь и взгляд у племянника расплылись, а лицо пошло красными пятнами. — Хотел… зак-к-кзать спец… спецодежду.

— Петушка хотел высмотреть, — обвинил сурово. — Соскучился, небось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.